

Батальон МУЖЕСТВА

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

Александр Тамоников

Батальон мужества

«ЭКСМО»

2010

Тамоников А. А.

Батальон мужества / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2010

Начало первой Чеченской военной кампании. Батальон 137-го гвардейского парашютно-десантного полка под командованием Героя России гвардии подполковника Святослава Голубятникова брошен в самое пекло войны – на привокзальную площадь Грозного. В узких кварталах беснуется пламя, взрываются снаряды и мины, свистят пули, рвется и горит металл. Офицеры сорванными голосами отдают команды, пытаются связаться с высоким начальством и запросить поддержку. Десантники, неся потери, тем не менее продолжают неистово сражаться... Они совершили невозможное. Они выполнили боевую задачу, не посрамив чести и доблести российского десантника. За проявленный героизм весь (!!!) личный состав батальона был представлен к награждению орденом Мужества. Пятерым офицерам присвоено звание Героя России. Подобный массовый, единодушный подвиг зафиксирован впервые после Великой Отечественной войны.

© Тамоников А. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Тамоников

Батальон мужества

*Личному составу 137-го гвардейского парашютно-десантного
ордена Красной Звезды полка
и отдельно командиру 3-го, легендарного батальона полка, Герою
России подполковнику ВДВ Голубятникову Святославу Николаевичу
посвящается*

От автора

В этой книге описаны реальные события, связанные с началом первой чеченской военной кампании, и в частности самое активное участие в ней 3-го, усиленного батальона 137-го гвардейского парашютно-десантного полка под командованием Героя России, гвардии подполковника Святослава Николаевича Голубятникова. Название произведения «Батальон Мужества» выбрано не случайно. За умелые, самоотверженные действия при выполнении боевой задачи по захвату привокзальной площади г. Грозного и проявленный при этом героизм ВСЬ личный состав батальона, по СПИСКУ, был представлен к награждению орденом Мужества. Пятерым офицерам присвоено звание Героя России. Впервые после Великой Отечественной войны подразделение представлялось к награде СПИСОЧНЫМ составом.

Книга представляет собой художественное, а не документальное произведение, следовательно, в ней имеет место вымысел. Он сведен к минимуму и применен в основном при описании бытовых сцен. По техническим причинам мне пришлось изменить фамилии офицеров и солдат, воевавших вместе с С.Н. Голубятниковым, но они легко узнаваемы для определенного, весьма обширного круга лиц.

Главной своей целью при написании книги я считал как можно достоверней, правдивей, в художественной форме передать то, что было связано с повседневной службой и с участием легендарного батальона в боевых действиях. Насколько мне это удалось, судить Вам, уважаемый читатель!

Глава первая

Из воспоминаний Героя России, подполковника ВДВ Голубятникова С.Н.:

Воздушно-десантные войска всегда привлекались к решению самых сложных боевых задач. С момента создания войск в 1930 году. А для того, чтобы успешно решать поставленные задачи, требуется специальная подготовка в условиях, максимально приближенных к боевым. Война в Афганистане, а в дальнейшем в Чечне, привлечение десантников к разрешению разного рода вооруженных межнациональных конфликтов показали, что ВДВ действительно являются наиболее боеспособными войсками Вооруженных сил Российской Федерации. Несмотря на то что в последнее время и в большинстве случаев десантные части и подразделения действуют, высаживаясь непосредственно с борта на землю, воздушно-десантной подготовке в войсках уделяется должное внимание. Прыжки с парашютами проводятся регулярно, как по планам учебно-боевой подготовки, так и во время учений. Производится и десантирование боевой техники. Подготовка десантников на земле в учебных центрах на полигонах, где создаются условия полной имитации прыжка, сводит к минимуму возникновение экстремальных ситуаций во время реальных прыжков. Но иногда имеют место и чрезвычайные происшествия. И причины каждого из происшествий разные. Это и ошибки, допущенные при укладке парашюта, и несвоевременное раскрытие основного купола при выходе из люка самолета или вертолета, и резко изменившиеся метеоусловия. Случается всякое. Но подготовленный десантник даже в самой сложной ситуации имеет возможность изменить ее и благополучно приземлиться. Ну а если солдата, особенно молодого, впервые совершающего прыжок с парашютом, охватывает паника и он теряет способность вести борьбу за выживание, то ему на помощь в воздухе приходят его более подготовленные и хладнокровные товарищи. И в первую очередь командиры, непосредственно по закону отвечающие за жизнь своих подчиненных...

Пробежав по бетонке взлетно-посадочной полосы Дягилевского военного аэродрома, «Ил-76» мягко оторвался от земли и начал подъем, выдерживая курс на район десантирования 8-й и 9-й парашютно-десантных рот 3-го батальона 137-го гвардейского полка, дислоцировавшегося в городе Рязани. На борту находилось 110 десантников. Большинство из них старослужащие, но были и новобранцы, для которых предстоящий прыжок являлся первым в жизни. Среди них рядовой Дмитрий Кошин, стрелок 2-го отделения 2-го взвода 8-й роты капитана Германа Макарьева. В полку на настоящий момент полностью укомплектованным был только один батальон – третий, под командованием подполковника Голубятникова, офицера авторитетного, уважаемого, боевого. Да и немудрено: Афганистан прошел, награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями. С отличием окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Остальные батальоны были сокращенного состава из-за недобора призывников. Поэтому практически вся учебно-боевая подготовка, караулы, основные наряды и хозяйственные работы лежали на плечах офицеров и солдат именно 3-го батальона. Оставались люди и в других подразделениях, но их было мало. С этим повезло земляку Кошина, Игорю Латунину. На работы особо не гоняли, если и ставили в наряд, то либо в парк боевых машин, либо на контрольно-пропускной пункт, а то и вообще в патруль. По сравнению с караулом или дежурством по столовой – лафа. Да и занятиями разными доставали меньше.

Рядовой Кошин, вспомнив земляка, нервно вздохнул. Да, повезло Игорю, но не сегодня. Сегодня и тому предстояло прыгать. После Кошина, третьим бортом. Первым десантировались 7-я рота и батальонный взвод связи, вместе с управлением батальона и комбатом. Но они уже, наверное, отпрыгали. А у Кошина все страшное еще впереди. Солдат боялся, хотя из всех сил пытался не показывать этого. Что удавалось ему неважно. Старослужащие, бросая на него

взгляд, улыбались. Чувствовали превосходство, будто сами в первый раз не тряслись от страха. А может, и не тряслись, может, это он только такой, а для других ничего особенного не происходит? Но нет. Вон на скамье левого борта татарин сидит. Тоже молодой и тоже бледный, с идиотской ухмылкой на прыщавой физиономии. Дрейфит. А как не дрейфить? Прыгать-то не с забора, а с высоты в шестьсот метров. Дмитрий слотнул обильно выделившуюся слюну. Мысли путались. Но вновь и вновь сходились к одному, к этому первому прыжку. То, что еще вчера беспокоило Кошина, а именно долгое молчание девушки, оставшейся на родине, во Владимире, сейчас представлялось такой мелочью! Да все мелочь, кроме этого прыжка. И дернул его черт попроситься в десантные войска. Как же, одна форма чего стоила, тельняшка, берет... К тому же романтика. В военкомате думал, как вернется таким гвардейцем, которому и море по колено. Обязательно с медалью и в сержантских погонах. Домечтался, мечтатель хренов. Лови теперь кайф внутри этого гудящего борта перед тем, как сделать шаг в бездну.

Дмитрий перевел взгляд в сторону перегородки кабины пилотов, на которой висела мачта с тремя фонарями. Желтым, зеленым, красным, как у светофора. Загорится желтый – надо будет приготовиться, встать. А как вспыхнет зеленый, то шеренги пойдут к боковым дверям, исчезая за бортом. Исчезнет и он, Дима Кошин. Вопрос, не насовсем ли? Но вроде солдаты на прыжках разбивались редко. Очень редко. По статистике гораздо больше вероятность угодить под колеса железнодорожного состава. Хотя... слышал, что недавно где-то вроде даже спортсмен разбился. А уж он-то, этот спортсмен, не солдат-первогодок. Хотя, возможно, это только слухи, и в иной ситуации он и не вспомнил бы об этом. Мелькнула мысль: а может, погода резко изменится? Ветер усилится, или ураган пройдет внизу? И на табло вспыхнет красный фонарь, что будет означать запрещение десантирования? Тогда самолет уйдет на аэродром вместе с личным составом рот. Такое, говорили, тоже не раз бывало. Но вряд ли произойдет сейчас. Так что как ни крути, а прыгать придется. Нет, можно, конечно, отказаться. Силком никто выбрасывать не будет. Но потом же в роте так достанут, что мало не покажется. Зачморят по полной. Кошин перевел взгляд вниз, где на вращающемся стуле у панели управления сидел офицер-летчик, техник по авиационному оборудованию, о чем-то переговариваясь с ротным, находившимся рядом с ним. Капитан Макарьев улыбался. Ему что?! Эти прыжки, как скачки на дискотеке. Наверняка уже привык, имея за спиной не один десяток, а может, и сотен подобных прыжков. Капитану весело. Летуну тем более, откроет двери и рампу, проводит роты, закроет борт – и все дела. Спокойно полетит на аэродром. А тут? Кошин вновь вздохнул. Его толкнул сосед, солдат второго года службы, которому до дембеля чуть больше полугода осталось:

– Эй ты, сынок. Чего, как телок, вздыхаешь? Ссышь?

– Есть немного! – признался Кошин.

Сосед усмехнулся:

– Немного?! Да уж, наверное, полные штаны наложил?

– Нет. Но боязно.

– Не ссы, солдат, все это хрень! Первый прыжок – ерунда, и понять ничего не успеешь, как воткнешься в землю. Второй раз страшнее будет, это я тебе из своего опыта говорю. Мандраж еще тот словишь. Зато потом начнет самого в небо тянуть.

– Ага! Так и потянет?

– Ты не агакай, а слушай, что «дедушка» говорит! И не вздыхай. Ничего не случится.

Кошин начал вспоминать инструктаж перед посадкой на борт. Так! Не суетиться, не сблизиться с тем, кто впереди, сгруппироваться и... шагнуть вперед. А главное, счет. Надо будет считать – 501, 502, 503 – и дернуть кольцо основного парашюта. Да, отсчитать и дернуть кольцо. Купол раскроется, и тогда все! Все будет ништяк. Есть еще и страхующий прибор. Он должен сработать и раскрыть парашют автоматически, если не дернуть за кольцо. А если его заклинит? Тогда полетишь к земле камнем. Как там в школе учили, то ли по физике, то ли по матема-

тике? Скорость свободного падения тела составляет... черт... или 40 метров в секунду, или 50. Сейчас не вспомнить. Офицеры говорили, что на стабилизирующем, до открытия основного, вроде 35. Ну хрен с ним, пусть будет 40 метров. В секунду. Нарастает ли скорость или остается постоянной? Наверное, все же остается постоянной, с чего ей нарастать. Правильно родители говорили, учись лучше, в жизни пригодится. Да чего теперь об этом? Пусть будет 40 метров в секунду. Это что получается? Высота 600 метров. Разделить на 40, выходит 15 секунд. Вот тебе и высота. Не раскроется парашют, и через какие-то секунды так хренакнешься об землю, что только мокрое пятно останется или мешок с переломанными костями. Впереди имеется запасной парашют. Но разве успеешь его открыть? Нет, прибор прибором, а надо дергать кольцо. Да и взводный об этом говорил. Когда же кончится этот чертов полет?

Самолет пролетел всего двадцать минут и начал снижение, а Кошину казалось, что с момента взлета прошла целая вечность.

И в это время крякнула сирена. Противно так. Загорелся желтый фонарь. Приготовиться. Ну вот, начинается. Спаси меня, Господи, прости и помоги! Бойцы поднялись со скамеек. Заправили свободную часть фала стабилизирующего парашюта, закрепленного на тросе карабином. Когда сидели, фалы вытянулись, перед прыжком их требовалось заправить обратно под клапан основного парашюта. Заправив фалы, солдаты установили между собой дистанцию, обеспечивающую интервал выхода в одну секунду. Для этого многого не требовалось. Встать так, чтобы рука легла на плечо впереди стоящего десантника. Все это Кошин сделал машинально. Сосед-старослужащий обернулся, спросил:

– Порядок?

Дмитрий утвердительно кивнул:

– Ага!

– Спокойней!

Он отвернулся. Кошин подумал – легко сказать, спокойней. Мандраж только усилился. Так что пальцы трясутся. Да тут весь, к чертям собачьим, задрожит. Эх, быстрее бы уже.

С гулом открылась рампа. Дмитрий не стал смотреть в открытый хвост самолета. К боковым дверям вышли выпускающие, по двое к каждой двери, командиры рот и их заместители. Сколько еще ждать? Желтый фонарь погас, загорелся зеленый. И тут же борт заполнил жуткий, непрерывающийся вой сирены. Вой, от которого хотелось бежать. Бежать хоть куда, лишь бы подальше от этого ужасного воя. Бойцы пошли. Кошин, продвигаясь вперед, посмотрел вверх. Тоже машинально. Его фал закреплен карабином на тросе. Двери приближались. Вот и выход, офицеры, повторявшие одно и то же, – пошел! И ему отдали ту же команду. Держа правую руку на кольце, сгруппировавшись и закрыв глаза, Кошин шагнул в бездну. И на какое-то мгновение словно завис в воздухе в сплошной тишине. Это являлось следствием защитного эффекта открытой двери, гасящей воздушный поток. Но об этом Кошин не знал, впрочем, он и испугаться не успел. Через доли секунды пространство вокруг него словно взорвалось, и волна отбросила солдата в сторону, перевернув в воздухе. Придя в себя, Дмитрий начал отсчет, быстрее, чем следовало. Он на одном дыхании просчитал – 501, 502, 503 – и дернул кольцо. Секундное падение, словно провалился куда-то. Сердце застыло у рядового, но тут же он почувствовал удар. Посмотрел вверх, и глаза его расширились от ужаса. Он увидел, что парашют полностью не раскрылся и начал сворачиваться в свечу. Кошин закричал. Паника овладела им. В какое-то мгновение осознание реальности происходящего вернулось к солдату, видимо, сыграл свою роль инстинкт самосохранения. Он вспомнил про запасной парашют. Дрожащей рукой попытался нащупать кольцо запасаки, не нашел. Остались штыри; выдернуть их, и запасной откроется, только надо отбросить его от себя, хотя можно и не отбрасывать. Запасной парашют меньше основного, у него две лямки, а не четыре, как у основного, и раскрывается он с наклоном, чтобы стропы не перехлестнулись. И приземлится десантник корпусом вперед, а не грохнется на спину, рискуя сломать позвоночник. Но и штырей Дмитрий не нашел.

И, потеряв голову, видя, как стремительно приближается земля, стал руками рвать крепкий материал парашютного ранца, ломая ногти, сдирая кожу и крича во все горло от отчаяния и страха. Он не понимал, что делал. Разорвать ранец руками невозможно. Ему бы всего на секунду успокоиться, нащупать штыри или кольцо. И тогда ситуация в корне изменилась бы. Запасной парашют спас бы его от гибели. Но он не успокоился. Напротив, с каждой секундой все более впадал в панику, полностью утратив способность управлять своими действиями. Теперь спасти молодого солдата могло только чудо. И это чудо свершилось. В виде оказавшегося рядом командира взвода, старшего лейтенанта Юрия Стрельцова.

За трагедией, разворачивавшейся в воздухе, следили и с земли. Первым проблемы с раскрытием парашюта Кошина заметил руководитель прыжков, подполковник Ротмистров. Увидев, что парашют одного из десантников перехлестнуло в воздухе и купол основного парашюта полностью не раскрылся, он воскликнул:

– Что за черт?

Повернулся к комбату, подполковнику Голубятникову, десантировавшемуся первым бортом:

– Слава? Что происходит? Ты видишь?

Глядя вверх, Голубятников ответил:

– Вижу! Купол не заполнился.

– Но почему боец не раскрывает запасной парашют? И что могло произойти с основным?

Святослав Николаевич, продолжая внимательно отслеживать обстановку в небе, ответил:

– Черт его знает, почему солдат не раскрывает запаску. Молодой, наверное, растерялся!

А купол мог не наполниться из-за неисправной укладки, что маловероятно, у молодых мы особенно тщательно это проверяем, или из-за того, что солдат раньше положенного дернул за кольцо. Но все это не важно. Если не придет в себя, то... придется по частям его собирать на земле.

Руководитель прыжков крикнул в небо:

– Да открывай ты запасной, черт бы тебя побрал!

Голубятников покачал головой:

– Не надо кричать. Бесполезно...

– Но он же погибнет!

Комбат оживился:

– А это еще не факт. Смотри, Сергеич, взводный планирует к месту падения.

– Где?

– Ниже метров на сто.

– Так! Вижу! И кто это у нас?

– Потом разберемся. Вопрос, успеет ли офицер перехватить бойца? Должен успеть!

Руководитель прыжков достал носовой платок, протер вспотевшее вдруг лицо:

– Должен!

Покинувший борт «Ил-76» первым из своего взвода командир подразделения старший лейтенант Стрельцов внимательно следил за тем, как прыгали его подчиненные. Первое отделение пошло, второе. Все в штатном режиме, без сбоя. Но что это? Один из десантников начал раскрывать парашют, не выждав трех секунд. Купол вышел и, не наполнившись воздухом, стал гаснуть. В этой ситуации боец должен применить запасной парашют. Не медля, не пытаясь без толку держаться за стропы основного. Но он не открывает запаску. Стрельцов понял сразу: молодой солдат впал в панику. Не смог найти ни кольцо запасного парашюта, ни штыри аварийного его раскрытия. Мгновенно просчитал ситуацию. Солдат падает по условной линии, которая проходит метрах в сорока от него. Он уже ничего не сможет сделать. Так и воткнется в землю. Надо попытаться перехватить его. Приняв решение, офицер приступил к маневру. Стрельцов, перетягивая стропы, начал сближение с этой условной линией пока еще находив-

шегоса выше солдата. Лишь бы боец не врезался в его, взводного, купол. Стрельцов-то успеет раскрыть запасной, а вот солдату уже никто не поможет. Хотя, тот может и старшего лейтенанта утащить за собой, одна запаска двоих не выдержит. В смысле не обеспечит безопасного приземления. И тогда погибнут оба. Но в сторону мысли. Боец не врезался в купол взводного, прошел мимо, совсем рядом. И Стрельцов узнал бойца, несмотря на то что лицо его было перекошено до неузнаваемости. Кошин. Молодой. Он был не в себе еще до посадки. Боялся. Оставить бы его, но кто не боится в первый раз? Развернувшись и накренившись, Стрельцов левой рукой схватил стропу нераскрывшегося парашюта Кошина. Подтянул к себе, перехватил вторую. Теперь взводный крепко держал бойца. Скорость падения Стрельцова увеличилась, а Кошин, уже отрешившийся от всего, вновь почувствовал толчок, будто налетел на что-то в воздухе. Он поднял глаза вверх и увидел взводного, державшего стропы его парашюта. И от увиденного мгновенно пришел в себя. Стрельцов что-то крикнул, но его слова ушли вверх. Кошин тут же нашел и кольцо запасного парашюта, и штыри, но сейчас открывать свой запасной парашют было нельзя. Да и не имело смысла. Дмитрий взглянул вниз и увидел зеленое поле в каких-то десяти-пятнадцати метрах от себя. Не успев сгруппироваться, подготовиться к приземлению, он врезался в землю. Рядом с ним метрах в пяти упал командир взвода. Купола с шелестом легли рядом. Кошин попытался встать, но не смог, он не почувствовал левой ноги. Посмотрел на нее и увидел, как та неестественно вывернута в голени. И только после этого ощутил боль. Но что какая-то боль от перелома, когда он жив, на земле? Солдат лег на спину, повернувшись лицом к Стрельцову. Он был по-прежнему бледен. Взводный, подмигнув солдату, спросил:

– Ну как ты, Кошин?

– Нормально, вот нога только... сломана... а так... спасибо вам, товарищ старший...

Слова Дмитрия прервал приступ кашля, перешедшего в рвоту.

Стрельцов встал, почувствовал боль в левом боку. Потянулся. Кости вроде целы, иначе боль пробила бы тело. А коли кости целы, то мясо, как говорится, нарастет. Он посмотрел на солдата. Того выворачивали приступы рвоты; он сплевывал на землю желтовато-грязного цвета сгустки.

Подъехал санитарный «УАЗ». Над полем прошел, набирая высоту, третий «Ил-76». После происшествия с Кошиным десантирование сводного подразделения, находящегося на третьем борту, было отложено, и экипаж получил приказ возвращаться в Дягилево.

Из «УАЗа» выскочили медики, бросившиеся к Кошину. К взводному подошли руководитель прыжков, заместитель командира полка по воздушно-десантной подготовке и командир батальона. Голубятников спросил подчиненного:

– Как ты, Юра?

Старший лейтенант пожал плечами:

– Да в порядке вроде.

– Молодец! Благодарю за службу!

– Служу России!

Руководитель прыжков также поблагодарил офицера за спасение подчиненного и отошел к медикам.

Стрельцов спросил у комбата:

– Закурить не найдется, товарищ подполковник?

Голубятников протянул взводному пачку сигарет, зажигалку.

– Чего за бок-то держишься? Травму получил?

– Да вот о бугор ударился.

– Ребра-то целы?

– Целы. Ушиб сильный, но это ерунда, пройдет.

Вокруг начали собираться офицеры рот. Подошли ротные, которые прыгали последними и видели, как Стрельцов спасал молодого бойца. Макарьев похлопал взводного по плечу:

– Молодчик, Юра! И как ты успел среагировать на Кошина?! За какие-то доли секунды?

– И ты бы среагировал, окажись на моем месте.

– Не знаю, не знаю!

Комбат взглянул на командиров рот:

– А вам что, делать нечего? А ну, вперед, к личному составу! Через полчаса построение батальона и всех приданных подразделений. Парашют Кошина упаковать отдельно, не складывая. Пойдет на экспертизу. А наговориться в полку будет время.

Офицеры отошли. Вернулся руководитель прыжков.

Голубятников поинтересовался:

– Ну как там Кошин? Впрочем, пройду, сам посмотрю. С ним говорить можно?

– Можно, но сейчас не стоит. У пацана стресс. Да это и понятно. Первый прыжок – и такое!

– Ногу сильно сломал?

– В двух местах. Ступня и голень. Начмед сказал, переломы тяжелые, надо Кошина в госпиталь везти.

– Оставим его в Туле?

– Медики решат, в Туле оставлять или в Рязань возвращать. Главное, жив парень; правда, в десанте ему больше не служить, да и лечиться долго.

– Какой для него теперь может быть десант? – Голубятников хмыкнул. – После произошедшего он на парашют и смотреть на захочет.

– Как знать... Но его по травме списывать придется.

Руководитель полетов заметил, что Стрельцов держится за бок:

– А ты в порядке, Юра?

– Нормально!

– Ударился старлей о бугор, – объяснил комбат.

Ротмистров сказал, обращаясь к Стрельцову:

– Так пойдешь к медикам, пусть и тебя заодно осмотрят.

– Нечего у них делать. Говорю, у меня все нормально.

– Да? Ну смотри! А насчет причины нераскрытия парашюта, – руководитель полета повернулся к Голубятникову, – то ты оказался прав, Святослав! Рано рванул за кольцо Кошин. Считал быстро. Надо дополнительные занятия организовать, да еще раз молодняку объяснить, как вести счет!

– Остальные прыгнули без проблем. А у меня и без дополнительных занятий дел в батальоне по горло.

Подошел начальник медицинской службы полка:

– Травмы Кошина обработали, наложили шину, обезболили. Сейчас солдат спит.

Руководитель прыжков распорядился:

– Ладно, Слава, давай забирай Стрельцова, строй личный состав и на погрузку. Домой пора!

В 19.00 3-й парашютно-десантный батальон и привлеченные к учебным прыжкам подразделения вернулись в полк. Голубятникова встретил посыльный по штабу:

– Товарищ подполковник, рядовой Иванов, разрешите обратиться?

– Обращайся!

– Командир полка приказал, чтобы вы по прибытии в часть явились к нему!

Комбат вызвал к себе начальника штаба батальона, приказал заняться личным составом, сам отправился к зданию управления войсковой части.

Командир полка Серебрянников поприветствовал комбата, указал на стул за столом совещаний. Сам устроился напротив:

- Ну, докладывай, Слава, что у тебя сегодня произошло во время учебных прыжков?
- Как будто подполковник Ротмистров уже не доложил об этом.
- Я, по-моему, задал вполне конкретный вопрос.

– Хорошо! Примите и мой доклад. Во время десантирования 8-й роты у рядового Кошина не полностью раскрылся основной парашют. По предварительным данным, из-за того, что солдат раньше положенного срока дернул за кольцо. Окончательную причину установит экспертиза. Растерявшись, солдат не смог воспользоваться запасным парашютом, и только благодаря решительным, самоотверженным действиям командира 2-го взвода, старшего лейтенанта Стрельцова, который перехватил стропы погасшего парашюта Кошина и удерживал их до приземления, удалось избежать катастрофы. Рядовой отделался двойным переломом ноги, Стрельцов – ушибами. Солдат решением начмеда определен в наш местный госпиталь. Десантирование с третьего борта было отменено, личный состав вернулся в часть. Вот, собственно, и все, товарищ полковник, по случаю с Кошиным. В отношении Стрельцова буду ходатайствовать о представлении старшего лейтенанта к награде. За мужество, проявленное при спасении подчиненного.

Командир полка поднялся, прошелся по кабинету:

- Понятно! Значит, предстоит ждать очередную комиссию!
- В первый раз, что ли, Василий Георгиевич?

– Ладно! Отобьемся, тем более что ЧП обошлось без жертв. Продолжим! Мне начальник штаба на утверждение новый график нарядов принес, ознакомься.

Серебрянников передал комбату таблицу, заполненную каллиграфическим почерком штатного писаря. Голубятников взял график и тут же воскликнул:

- Юрчиков ничего лучше придумать не мог?
- О чем ты, Святослав Николаевич?
- Да вот, к примеру, вторник 27 сентября. Караул и дежурство по столовой.
- Ну и что?

– А то, что утром 29 сентября рота капитана Кошерева должна быть в Дубрах. 26-го числа у 8-й роты ночные стрельбы, 30-го в наряд заступает 9-я рота. И что получается? Если во вторник в наряд заступит 7-я рота, то, сменившись вечером 28-го числа, ей предстоит уже в час ночи четверга начать марш к Дубровичам. А это, как вам известно, тридцать километров, пешком в полной экипировке... Отдыхать-то солдатам когда? К тому же никто не отменял другие занятия, уборку территории.

– И что ты предлагаешь?

– У меня за прошедшие двенадцать месяцев двенадцать выходов было, не считая показательных мероприятий, батальонных учений.

– Я в курсе! И спросил, что предлагаешь?

– Или отменить занятия в Дубрах, или наряд с 27-го на 28 сентября.

Командир полка сел на прежнее место:

– Ты же знаешь, Слава, кроме твоих людей, мне ставить в караул и столовую некого. В других батальонах по тридцать-сорок человек осталось, и они загружены под завязку. А задач полку никто не корректировал, хотя и в дивизии, и в Москве прекрасно знают, что у нас здесь, по сути, один батальон, ну, полтора, если все остальные подразделения прилепить! Задачи полку остаются прежними.

– Но в таком режиме мы просто загоняем личный состав. Или этого в Туле и Москве не понимают? Батальон-то, по сути, сейчас, как ни парадоксально это звучит, спасает то, что комплектуется он из призыва в призыв на восемьдесят процентов старослужащими других подразделений. Да, они зачастую раздолбаи, самовольщики, но только им под силу выдерживать эти

беспредельные нагрузки. Приходили бы молодые, то мы имели бы кучу проблем. И несли бы потери. В мирное время. Скажу более, у нас бегунов было бы немерено. Но и у старослужащих есть свой предел прочности! Сломаются они, все полетит к чертям собачьим. А если предстоит решать реальные боевые задачи? Кого мы выведем на войну?

Серебрянников ударил ладонью по крышке стола:

– Все, достаточно! Или ты думаешь, я хуже тебя знаю состояние дел в подразделениях и уровень боевой готовности полка? Не хуже. Но сейчас везде так! Понимаешь, везде! На гражданке происходит не пойми что, а мы часть общества. Нам рекрутов из-за границы не присылают. Вместе с обеспечением. А призывают тех, кого еще можно призвать. И мы должны работать с тем, что имеем. Не ныть, а работать.

Голубятников повысил голос:

– По-вашему, я ною, а не работаю? Тогда снимайте меня к чертовой матери! Увольняйте! Сейчас это проще простого. Рапорт на стол, и все дела! Пойду на рынок шмотками торговать. Все спокойней и выгодней.

Командир полка сбавил тон:

– Хорош! Никуда ты не пойдешь. А если обидел, извини, сам на нервах.

Успокоился и комбат:

– В том-то и дело, что на нервах служим! Но так бесконечно продолжаться не может. Потеряем армию. Поэтому надо что-то предпринимать. И немедленно.

– Что?

– Считаю, в первую очередь потребовать снижения нагрузки на полк, учитывая то, что фактически задачи полка решает батальон. А батальон, какой бы подготовленный он ни был, не может решать задачи полка. Это понятно даже курсанту военного училища.

Серебрянников усмехнулся:

– Потребовать, говоришь? У кого? У комдива? У которого дивизия в том же состоянии, что и у нас полк? Или у командующего, чьи войска раздирают по частям? Потребовать.

– У нас есть еще и главком.

– Президент?

– Да! В прошлом году он лично нас инспектировал. Часы наградные вручал.

– В том-то и дело, что часы. Ладно, Слава, этот месяц добьешь по новому графику. Как? На морально-волевых. А дальше посмотрим. Ты прав, придется выходить на начальство. Иначе накроемся медным тазом. Подготовлю подробный доклад и наверх, может, что-нибудь пробью. Или вылечу из армии. Но это уже мои проблемы. А ты мне отработай задачи по полной.

Голубятников вышел из кабинета командира полка. Хотел закурить в приемной, но вспомнил, что отдал сигареты с зажигалкой Стрельцову. Прошел в дежурку. Дежурный по полку угостил сигаретой. Перекурив, Голубятников направился в расположение батальона. Настроение никакое, но служба есть служба, раз при должности, то надо исполнять свои обязанности. В любой обстановке и в любых условиях. Да и рабочий день командира батальона редко когда заканчивался раньше 22 часов. Служба!

Но сегодня он покинул батальон в 21.10. Вышел на «круг», конечную остановку троллейбуса, где останавливался и автобус № 9. Голубятникову нужен был автобус, так как тот останавливался недалеко от дома, где он с женой Галиной снимал двухкомнатную квартиру. С будущей супругой Голубятников познакомился еще в Афганистане, где служил с 1985 по 1987 год. Она работала в качестве служащей Советской армии начальником офицерской столовой. Знакомство переросло в любовь. И сейчас Галя, уже сержант ВДВ, служила в батальоне мужа. Война навсегда свела вместе два влюбленных сердца. На остановке Голубятников увидел старшего лейтенанта Стрельцова. Подошел к нему:

– К учительнице?

– Да! Осуждаете?

– Да нет! Как я могу осуждать тебя? Твоя личная жизнь – это твоя личная жизнь. Вот только ты бы с женой, Мариной, поговорил.

– О чем?

– О жизни. Дальнейшей. Объяснил бы по-хорошему, что полюбил другую. А то рубанул сплеча, ушел из дома.

Стрельцов усмехнулся:

– Это с Мариной и по-хорошему? Да с ней по нормальному-то нельзя, а вы – по-хорошему. И ничего я не рубил. То, что полюбил Катюшу, жене сказал открыто, попросил развода. А в ответ грубость. Развода? Хрен тебе по всей роже. Да ну ее к черту, не хочу говорить о ней!

Подошел автобус.

Голубятников вышел из автобуса раньше, прошел к пятиэтажному дому, зашел в подъезд, поднялся на второй этаж. Хоть и была эта квартира съемной, но Святослав привык к ней. Чистая, ухоженная, уютная, хоть и небольшая. Хрущевка, одним словом. И в том, что дома поддерживался идеальный порядок, была полностью заслуга Галины. Голубятников нажал на звонок. Дверь открылась, и жена пропустила его в прихожую. Обняв, поцеловала. Святослав принял душ, переоделся, и только когда прошел на кухню поужинать, Галя спросила:

– Что у вас сегодня на прыжках произошло?

– А ты не знаешь? По-моему, уже весь полк в курсе.

– И все же?

– Да ничего особенного. У молодого бойца не наполнился основной парашют, а запасной, растерявшись, открыть не смог.

– И это ты называешь «ничего особенного»? Ведь солдат мог погибнуть.

– Мог, но не погиб. Юра Стрельцов спас. Успел схватить стропы, когда боец пролетал мимо. Вдвоем на одном парашюте и приземлились. Солдат сломал ногу, Стрельцов отделался ушибами. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо.

– Но теперь начнутся разборы? Экспертизы?

– В первый раз, что ли? Прорвемся!

– В том-то и дело, что тебе все время приходится прорываться.

– Служба такая! Предлагаешь уволиться?

– Ничего я не предлагаю, просто вижу, как тяжело тебе.

– А кому, дорогая, сейчас легко? Или в Афгане легче было?

– Об Афгане и вспоминать не хочу, – вздохнула Галина.

– А я теперь все больше вспоминаю службу «за речкой»! Хоть и тяжело там было, но все равно по-другому, не так, как сейчас. Правильнее, достойнее. А ребят помнишь?

– Всех я помню! Ужинаем.

– У нас, Галь, водка есть?

Галина удивилась. Муж пил редко, по большим праздникам или торжественным случаям. И то две-три рюмки. Поддержать компанию.

– Водка? Ты хочешь выпить?

– Граммов пятьдесят.

– Это из-за случая с солдатом?

– Это, дорогая, от усталости. Так есть или нет?

– Есть, с Первомайских праздников еще осталась.

– Налей, пожалуйста, рюмку.

После ужина Святослав успел просмотреть местную газету, особо не вдаваясь в ее содержание, пока Галина наводила порядок на кухне. Потом супруги ушли в спальню. Пролетел еще один день в жизни подполковника Голубятникова. Что принесет завтрашний? Этого не знал никто.

Стрельцов доехал до Первомайского проспекта. Прошел между старыми, еще сталинской постройки зданиями к такой же типовой, как и у комбата, хрущевке, где в третьем подъезде на четвертом этаже в однокомнатной квартире жила Катя. Женщина, которую он с первого взгляда полюбил. Это произошло недавно, чуть более двух недель назад. Начался новый учебный год, и 6 сентября Стрельцова замполит батальона майор Холодов отправил в одну из школ города, провести встречу со старшеклассниками. Такие встречи практиковались в полку. Но для Стрельцова она была первой. Хотел было отмазаться, сославшись на чрезвычайную занятость, но Холодов настоял на своем. Пришлось Юрию идти домой, переодеться в парадную форму. В 12.00 он приехал в школу. Его встретили, провели в актовыв зал, ознакомив со сценарием встречи, рассчитанной на час. Бумажка помогла. Юрий рассказал о себе, о том, как стал офицером-десантником, о службе. Затем пошли вопросы учеников. Он отвечал, глядя поверх зала, дабы не сбиться. Но в какое-то мгновение повернулся к правой лестнице и... запнулся, увидев у стены женщину, которая поразила офицера. И не какой-то необычайной красотой или идеальной фигурой. Нет, он увидел обычную женщину, симпатичную, аккуратную, невысокую, в строгом и скромном костюме. Но было в ней нечто такое, что заставило сердце Юрия биться чаще. Он и сейчас не смог бы объяснить, что именно. Учительница улыбнулась ему. Он тоже, но наверняка его улыбка выглядела со стороны идиотски. По залу прошел смешок. Стрельцов откашлялся и вернулся к ответу. Да вот вопроса уже не помнил. Пришлось извиняться, переспрашивать. Хорошо, что время встречи подошло к концу. Ему вручили букет цветов. Учеников вывели из зала, а женщина, которая так поразила боевого офицера, подошла:

– Я учитель истории, Витеева Екатерина Владимировна и по совместительству директор, хотя какой директор, скорее смотритель, школьного музея. Мне поручили показать вам его. И поверьте, там есть что посмотреть. Школа довольно старая, а музей существовал с момента ее открытия сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Но если у вас нет времени, то...

– У меня есть время, и я с удовольствием посмотрю ваш музей.

Стрельцов пошел за женщиной, не зная, куда деть врученный ему букет. Екатерина показывала офицеру экспонаты музея, он больше смотрел на нее. Это заметила учительница:

– Я вижу, вам неинтересно, Юрий Николаевич?

– Ну что вы, очень даже интересно!

– Да? Тогда скажите, о ком я только что рассказывала?

– О ком? О космонавте.

– О каком космонавте?

– Ну, о том, что окончил эту школу.

– Да нет, Юрий Николаевич, я рассказывала вам об известном летчике-испытателе, Герое Советского Союза, который действительно окончил нашу школу.

– Какая разница? Был летчиком-испытателем, станет космонавтом.

– Да ему уже шестьдесят три года, – рассмеялась Катя.

– Да? Тогда верно, космонавтом ему уже не быть. Вы извините меня, в вашем присутствии я отчего-то чувствуя себя неловко. Как ученик на вашем уроке, который не выучил домашнего задания, вызванный к доске.

Женщина внимательно посмотрела на офицера:

– Я не понимаю вас.

– Я сам себя не понимаю, – вздохнул Юрий. И неожиданно спросил: – А вы замужем?

Катя улыбнулась:

– Нескромный вопрос, товарищ старший лейтенант.

– Почему? По-моему, ничего нескромного в нем нет.

– Ну если так, то отвечу: нет, не замужем. Теперь спросите, почему не замужем?

– Нет. Теперь я спрошу: что вы делаете сегодня вечером?

– Собиралась в гости. А что?

– Жаль!

– Почему?

– Потому, что хотел пригласить вас поужинать вместе.

Она улыбнулась:

– Вы получаете хорошую зарплату, чтобы приглашать женщин, с которыми видите в первый раз, в ресторан?

– Ну, скажем, за последний год я никого никуда не приглашал, поэтому, чтобы поужинать с вами, денег у меня хватит. Но, видимо, не получится и на этот раз. Потому и жаль. Но до дома я вас провожу. И не пытайтесь отказываться. Кстати, возьмите цветы!

– Но их же подарили вам.

– А я – вам. Или скажете, что это не принято?

– Но это действительно не принято!

– Что ж, тогда придется выбросить их.

– Хорошо! Поставьте букет в вазу, что на окне.

Стрельцов поставил букет в вазу. Спросил:

– Мне где подождать вас? Здесь или на улице?

– А ждать не надо, я уже свободна.

– Тогда мы можем идти?

– Пойдемте. Я живу недалеко.

Старший лейтенант проводил учительницу и, не получив приглашения зайти в квартиру, на что втайне надеялся, уехал в часть – чтобы завтра вновь явиться в школу. 7-го числа они посидели в ресторане, но Катя вновь не пригласила Стрельцова к себе. И только в субботу он остался у нее ночевать. Эта ночь подарила им бурю сладостного наслаждения. Катя предложила Юрию жить у нее. И тогда Стрельцов признался, что женат. Он никогда не забудет, как от неожиданной новости у Кати широко открылись глаза. И слова ее: как ты мог так поступить? Ты? Офицер?! Для которого честь должна быть прежде всего? Почему обманул? Долго пришлось объясняться Юрию. Убеждать Катю, что он не хотел ее обманывать, иначе зачем стал бы говорить о жене? Что жизнь с Мариной не сложилась, и он больше не хочет жить с ней. И, наконец, в том, что полюбил ее, Катю. Она попросила Стрельцова уйти, и офицер ушел. А в понедельник, 12 сентября, после общебатальонного построения Катя позвонила ему, извинилась за грубость. Вечером Стрельцов приехал к ней и... вновь остался, отдав ей всю нежность, что заполняла его, не имея возможности проявиться в общении с законной, но уже такой чужой супругой.

О связи Стрельцова с учительницей в полку узнали быстро. Кто-то увидел его с ней в городе. И слухи черными змеями поползли по полку. Хорошо еще, что часть не имела своего военного городка, лишь один дом офицерского состава, так называемый ДОС. Но и жильцов дома № 42 по улице Октябрьской, точнее, женщин, жен офицеров и прапорщиков, хватило на то, чтобы Марина быстро узнала об измене мужа. Юрий не стал врать, оправдываться, он подтвердил, что полюбил другую женщину и намерен развестись с Мариной. Старший лейтенант посчитал недостойным офицера обвинять жену в далеко не скромном, мягко говоря, поведении, ее связях на стороне, о которых знал от тех же соседок. Марина стала безразлична Стрельцову. Впрочем, разрыв в семье назревал давно, и знакомство с Катей не явилось его причиной. Жизнь с Мариной не пошла с самого начала, как только они из благоустроенной квартиры ее родителей переехали в офицерское общежитие полка, а по сути в одноэтажный барак с комнатами-отсеками для двух и трех человек. Понятно, что эти условия не понравились избалованной дочери интеллигентных родителей. Единственной дочери. Она вернулась в город. Стрельцов же остался. Бесполезно Марина уговаривала Юру вновь переехать к ее родителям.

И родных Стрельцова подключила супруга. Но и это не принесло никаких результатов. Юрий поставил условие: либо Марина живет с ним при части, либо они не живут вместе совсем.

Чем бы закончилось это противостояние, неизвестно, но тут тогда еще лейтенанту Стрельцову невиданно повезло. Ему выделили квартиру в ДОСе, освободившуюся после убийства на повышение одного из ротных 2-го батальона. Позже Стрельцов узнал, что ни о каком везении не может быть и речи, вопрос по квартире решил комбат. Видя, что молодая семья рушится, подполковник Голубятников отдал взводному квартиру, которая предназначалась его семье.

С получением жилья ситуация в семье Стрельцова на время устаканилась. В квартиру Марина переехала без лишних разговоров. И вроде все вошло в нормальное русло, но ненадолго. Уже через месяц-полтора она стала задерживаться на работе, приходит с запахом дорожного вина. У нее появились украшения, якобы подаренные родителями. А когда Стрельцов с ротой убыл на полигон, то по возвращении узнал, что жена всю неделю его отсутствия не ночевала дома. Родители попытались прикрыть дочь. Мол, что ей делать одной рядом с чужими людьми, солдатами? Вот и жила у них. Но Юрий не поверил. И оказался прав.

Как-то, выехав по приказу начальника штаба полка в военное училище, Стрельцов, проходя по Первомайскому проспекту, решил купить сигареты. Киоск у гостиницы был закрыт, пришлось зайти в буфет при ресторане. В зале он увидел свою благоверную за столиком с двумя бравыми представителями Кавказа, такими джигитами, меж которых юлой вертелась пьяная Марина. Первым желанием Стрельцова было набить морду джигитам и вышвырнуть супругу из ресторана. Но затем разум взял верх над эмоциями. Да черт с ней, пусть гуляет. Все равно не жить вместе.

Этой ночью Марина домой не пришла. Заявилась под утро. Стала что-то объяснять, но Юрий не слушал. Оделся и ушел из дома. Ночевал в казарме, куда и пришла супруга. Вновь пыталась объясняться, и тогда Юрий сказал ей, что видел в ресторане. Марина растерялась – у нее была заготовлена другая версия ночного отсутствия. Но, оказывается, муж видел ее с кавказцами. Пришлось на ходу перестраиваться. Да, ее пригласили в ресторан друзья, еще по мединституту. Если б Юрий присоединился к компании или просто подошел, то ему все объяснили бы. Но он ушел, вообразив черт-те что. А между тем в ресторан пришли и подруги с мужьями! Посидели, поехали в новый дом одной из сокурсниц, удачно вышедшей замуж за богатого человека. Гуляли на природе, жарили шашлыки. Марина так устала, что прилегла отдохнуть. А когда проснулась, на дворе уже ночь. В город ехать не с кем и не на чем. Не пешком же идти? Вот и приехала утром.

Надо отдать Марине должное, убедительно врать она умела. Беда, что слишком часто приходилось это делать, путалась иногда. Юрий не верил ей. А самое страшное – старший лейтенант понял, что никогда не любил ее, женился по глупости. Будущего с Мариной у него не было, как не было фактически и настоящего. Стрельцов не раз подумывал о разводе, но так решение и не принял, пока в его жизни не появилась Катя. Она не стала причиной развода Стрельцова с Мариной, но повлияла на принятие решения. Оставалось реализовать его, развестись с бывшей уже женой.

Юрию захотелось сделать Кате приятное. Подумал: а ведь он ей никогда не дарил цветов, тот букет в музее не в счет. А женщины любят, когда им дарят цветы. Старший лейтенант развернулся и пошел обратно на Первомайский проспект, где у гостиницы чуть ли не круглосуточно торговали цветами. Он купил шикарный букет из пяти роз. Подумав, зашел в ресторан, попросил швейцара организовать бутылку шампанского. Катя негативно относилась к спиртному, но иногда можно позволить себе расслабиться. Особенно сегодня, после того, что произошло на прыжках. До сих пор Юрий чувствовал себя напряженным. Швейцар вынес шампанское в пакете. Стрельцов направился к дому возлюбленной. Свет в окнах ее квартиры увидел издалека. Старлею стало тепло. Она ждет его. Зашел в подъезд, поднялся на четвертый

этаж. Остановился перед квартирой. Поправил цветы, позвонил. Дверь открылась. Катя ждала Стрельцова, но не ожидала, что тот придет с цветами.

– Добрый вечер, дорогая!

– Добрый, Юра! Проходи.

Стрельцов вошел в прихожую, протянул возлюбленной букет.

Катя приняла цветы:

– Розы! Я очень люблю розы. И именно такие, бордовые. Как ты догадался?

– Интуиция!

– Спасибо, Юра. И по какому поводу цветы?

– Я не могу подарить их тебе без повода?

Екатерина прижалась к Стрельцову, задев ушибленное место, отчего Юрий невольно скривился. Это не осталось без внимания возлюбленной:

– Что такое, Юра? Что у тебя с боком?

– Пустяки, ударился. Ты же знаешь, у нас сегодня были учебные прыжки. Вот и приземлился неудачно.

– Столько раз прыгал, и ничего, а тут вдруг ушибся? Ты говоришь мне правду?

В глазах женщины читалось искреннее беспокойство.

Стрельцов улыбнулся:

– Я говорю тебе правду. Легкий ушиб, пустяк; правда, побаливает, когда тронешь, но скоро пройдет. А на прыжках, дорогая, может произойти все что угодно. И без разницы, первый ли раз прыгаешь или тысячный. Да, я еще шампанского купил. Выпьем?

– Если только немного. Ты давай раздевайся и в душ, а я подогрею ужин и накрою стол.

Стрельцов закрылся в ванной комнате. Быстро набрал воду, в меру горячую, лег в ванну.

Проговорил:

– Господи! Как же хорошо дома, где тебя любят и ждут.

Он закрыл глаза, наслаждаясь теплом воды и предвкушением предстоящей близости с Катюшей. Необыкновенно сладостной близости, во время которой забываешь обо всем на свете. Вот что значит настоящая любовь! Она способна на все. Как же он благодарен замполиту, что тот чуть ли не силой приказа отправил Стрельцова в школу, где старшего лейтенанта ожидало счастье. Счастье, за которое он будет бороться до конца.

Глава вторая

Из воспоминаний Героя России, подполковника ВДВ Голубятникова С.Н.:

В 1994 году полк не имел собственного военного городка, компактного района проживания семей военнослужащих. Холостяки и некоторые молодые семьи жили в офицерском общежитии, кому-то досталась квартира в единственном доме офицерского состава, но большинство семей военнослужащих снимало квартиры и комнаты в городе. Часть оплаты производилась за счет МО, но основную часть приходилось платить из того скудного денежного содержания, что получал офицер, прапорщик или контрактник. В этих условиях, да еще вкупе с практически постоянной занятостью военнослужащих, нахождением их в длительных командировках, не все семьи выдерживали проверку на прочность. Быть женой офицера – это непросто. Некоторые женщины не выдерживали такой необустроенной, необеспеченной жизни. Уходили, уезжали. Разводились. Одновременно женились молодые офицеры, кто-то создавал новые семьи. Другими словами, офицеры и их женщины пытались обеспечить крепкий тыл, который просто необходим человеку, чья профессиональная деятельность сопряжена с тяжелыми физическими и моральными нагрузками, с огромной ответственностью за подчиненных и зачастую со смертельным риском для жизни. У кого-то это получалось, у кого-то нет. Но это жизнь. Это реальность. Это нормально...

Из состояния блаженства Стрельцова вывело внезапное появление в ванной комнате Катюши. Она открыла дверь, извинившись:

– Прости, но я совсем забыла, что не повесила полотенце!

И воскликнула:

– А это еще что такое?

Катя увидела синяки, покрывшие всю правую сторону тела офицера:

– Господи! И это ты называешь легким ушибом?!

– О чем ты, Катюша?

– Да ты весь в синяках.

– Ну и что? Это же естественно, ведь я говорил, что неудачно приземлился.

– А по-моему, ты не приземлился, а падал с большой высоты. Что произошло, Юра?

– Да пустяки, Кать!

– Нет, не пустяки, и ты должен мне все рассказать. Жду на кухне!

Екатерина вышла, Юрий помылся не без труда, все же боль давала знать о себе. Но десантнику не привыкать переносить боль. Одевшись, он проследовал на кухню. Присел за стол, на котором Катя выставила бутылку шампанского и тарелку с отбивными и вермишелью, хлеб, бокалы. В сторонке поставила пепельницу. Рядом положила оставленные Стрельцовым в прихожей сигареты и зажигалку. Не те, что отдал комбат, а те, что купил Юрий у ресторана. Он взял шампанское, бесшумно открыл бутылку, разлил шипящую и пенистую жидкость по бокалам. Поднял свой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.